

18+

Виктор Кротов

Капризное счастье существования

Свободные трёхстишия

Виктор Гаврилович Кротов

Капризное счастье

существования.

Свободные трёхстишия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21618210

ISBN 9785448330018

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Стихи, вошедшие в эту книгу, написаны с 1972 по 1984 годы. Самый неустойчивый, самый раздёрганный период жизни автора, когда счастье – или видимость его – мелькало перед ним то в том обличье, то в этом, сменяясь переживаниями трудными и болезненными. В эти пёстрые времена целительно было хоть на мгновение ощутить самоценность бытия, которой учит жанр трёхстишие. Почувствовать, что как бы ни была капризна жизнь, в каждом из её прикосновений есть искорка чуда.

Содержание

От автора	5
Мои края	6
Воспоминание пятого класса	9
Полтинник	10
В булочной	11
Закат	12
Зима. Мороз	13
Пастораль	14
Утром	17
Капризное счастье существования	18
1	19
2	27
Отъезд	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Капризное счастье существования Свободные трёхстишия

Виктор Гаврилович Кротов

© Виктор Гаврилович Кротов, 2017

ISBN 978-5-4483-3001-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На обложке картина Валерия Каптерева «Разноцветье».

От автора

Трёхстишию как жанру я благодарен за то внимание к жизни, которое для него особенно характерно. Трёхстишие похоже на преобразжающую линзу, которая выделяет подробности внешнего или внутреннего мира, не заметные обыденному взгляду. Подробности, которые меняют восприятие. Как искусные фотографии микромира показывают нам его скрытую красоту, так трёхстишие открывает неожиданное гармоническое сочетание земли и неба, радости и печали, понимания и недоумения, света и тени, сходства и различия.

Стихи, вошедшие в эту книгу, написаны с 1972 по 1984 год. Самый неустойчивый, самый раздёрганный период моей жизни, во время которого счастье – или видимость его – мелькало передо мной то в том обличье, то в этом, сменяясь переживаниями трудными и болезненными. В эти пёстрые времена так целительно было хоть на мгновение ощутить самоценность бытия, которой учит трёхстишие. Почувствовать, что как бы ни была капризна жизнь, в каждом из её прикосновений есть искорка чуда.

Виктор Кротов

Мои края

Мне довелось побывать во многих российских краях – и по любознательности, и по необходимости. Быть туристом я никогда не любил, любая командировка тоже превращалась в кусочек жизни. Всегда хотелось стать незаметным, чтобы люди не обращали на тебя особого внимания и оставались такими, как всегда. Растворение в окружении – в природе или в людях – всегда мне очень много давало. В 1973—1980 годах, когда были написаны стихи, входящие в этот цикл, это меня ещё и лечило от слишком личных переживаний.

Но главное даже не путешествия. Они были лишь расширением тех мест, сельских и городских, где мне действительно довелось *жить*, много или мало. Тех мест, которые становились по-настоящему родными.

* * *

Надел старую телогрейку и сапоги.
Вышел размеренным шагом
под лихорадочный лёгкий снежок.

* * *

В моих краях
даже летний зной замешан на прохладе,
даже великая сушь помнит о дождичке.

* * *

Вечерний Суздаль.
Бугры крепостного вала.
Мальчики, играющие – в богатырей?

* * *

Вот ещё один город
пройден, высмотрен, общупан,
чтобы казалось, будто я его знаю.

* * *

Горбатые сугробами тротуары.
Улицы, искалеченные несколотым льдом.
Взгляды, устремлённые под ноги – под ноги.

* * *

Разглядываю,
разглаживаю взглядом просторы.
Словно глажу родную ладонь.

Воспоминание пятого класса

Играли на переменке: «Сыщик, ищи вора!..»¹
О, эта жестокость малорослых мучителей
в школьных закоулках!..

* * *

Заснеженная тайга. Уральские горы.
Лесник на лыжах, подбитых оленьей шкурой.
В Москве ждут пирожки с яблоками.

* * *

Голуби падают с крыш
тяжёлыми серыми хлопьями.
Непогожая жизнь городов.

¹ «Сыщик, ищи вора» – школьная игра (как сказали бы сейчас, ролевая), завершавшаяся наказанием проигравшего: щелбанами и пр.

Полтинник

Кладу свой нетяжкий груз
на санки мордовской мадонны,²
старой и нищей.

* * *

Не мне быть судьёй своей родне
или защитником во что бы то ни стало.
Мне – помнить и любить.

² В Потье, через которую я ездил на свидание с отцом, сидевшим в лагере, у московского поезда дежурили женщины с санками, чтобы перевезти багаж через посёлок к местному поезду. Эта услуга стоила полтинник – немного для москвича, но заметный заработок для местных.

В булочной

Противник простеньких счастьящ
млею от удовольствия, услышав:
а бородинского сегодня не берёте?

* * *

Вчера – международное совещание,
сегодня – овощная база.
Фигуры русского перепляса.

* * *

По железобетонному карнизу новостройки
парочка голубей расхаживает так,
словно вчера встречалась на Дворце Дожей.

Закат

Золотисто-древесные разводы.
Листик фиолетовой тучи.
Красная брусничина.

* * *

Десять минут
постоять во дворе детства,
десять лет не виденном.

* * *

Под толстым слоем земли
нашел стёклышко последнего секретика
с потускневшей серебрянной бумажкой.³

³ «Секрет» – так называлось детское развлечение (оно изредка встречается и сейчас): положить в ямку красивые бумажки или что-то ещё, закрыть стёклышком и засыпать так, чтобы только ты знал, где это находится.

Зима. Мороз

День – как объятие самой радости.
Куда же подевались люди?
Пустынно и грустно.

* * *

Ветхий автобус
почти плывёт по российской грязи,
воображая себя кораблем.

Пастораль

Пёстрое стадо коров и овец.
Луг, берёзовая роща.
Только память городская.

* * *

Сентябрьский тополь —
воздушное жёлтое озеро,
плоскими каплями стекающее на землю.

* * *

Терпеливые деревья
по колено в осенней грязи.
Что ж, им не вытаскивать из неё ноги.

* * *

Насквозь прозрачная роща,
серый мартовский снег,
непонятное небо.

* * *

Что собрать в этом ландышевом лесу?
Букетик белоствольных берез?
Забираю на память.

* * *

Ваше Сиятельство Солнце!..
Ваше Превосходительство Гора!..
Ваше Величество Море!..

* * *

Пью утренней душой
солнце, растворённое в небе, —
обжигающий зимний напиток.

* * *

Весна играет в зимнее «замри».
Заледенели разливы.
Припорошены прогалины.

* * *

Весело и больно смотреть
на поэтесс и философов, метущих улицы
в золотой опадающей Москве.

* * *

Что это за мягкий пакет, мама?
А, ты сюда собираешь белую шерсть,
расчёсывая нашу любимую собаку...

* * *

Слава славянскому слову,
способному на чудеса,
великому в прошлом и в будущем...

Утром

Спит село Тимашёво
вокруг церкви
с покосившимися крестами.

Капризное счастье существования

Основной цикл этой книги объединяет стихи, написанные преимущественно в 1972 году (только последняя часть – в 1972—1974 годах). Это был, может быть, самый насыщенный год моей жизни. Я познакомился с Машей Романушко, а через несколько дней – с художником Валерием Каптеревым и его женой, поэтессой Людмилой Окназовой, которые стали нашими близкими друзьями. В доме Каптеревых для нас возник целый новый круг творческого общения. Родился мой старший сын Саша. Я побывал в Новосибирске, Кишинёве, Таллинне и в других местах. Прошёл через несколько совершенно разных пластов переживаний. Этот год был – как жизнь среди жизни. Так что и счастья, и его капризов было предостаточно.

1

* * *

Может быть, никогда и не вспомню
ни слова из опьяняющих речей,
что шепчет мне эта минута.

* * *

Музыка.
Кружево звуков.
Живое кружево звуков.

* * *

Что мне вино,
что мне гашиш и опий —
когда воображенья бьёт родник!..

* * *

Молодость

нежными волнами свежести
окачивает сердце – и отбегает прочь.

* * *

Капризное счастье существования
то и дело нашёптывает мне стихи,
но почему-то всё больше чужие...

* * *

Спешу я к дому, словно падающий камень
к земле: чем ближе,
тем быстрее паденье.

* * *

Мне ничего от красоты не надо.
Пусть только будет,
шепчет и поёт.

* * *

Влечёт к себе
– загадочно, печально —

воспоминаний давних дно морское.

* * *

Кто знает, пусть расскажет: что же лучше —
добра начало
или зла конец?

* * *

За что же расплачиваюсь сегодняшней болью:
за вчерашнюю радость?
за неизвестное завтра?

* * *

Устал, истомился
обилием жизней,
пережитых в воображении.

* * *

Наука – трасса карьерного бега
с чудаками-чернорабочими,
трамбующими дорожки.

* * *

Хватит горькой мудрости.
Учусь божественному сумбуру,
великому неразумию.

* * *

Приступ ночи кончился.
Долгожданный телефонный звонок
унял боль.

* * *

Очень поэтическое настроение.
Да-да, сегодня стихи поются сами.
Но через пять минут – завтра...

* * *

Стихами пьян
и не возьмусь вести машину.
Не хочется водить даже карандашом по бумаге.

* * *

Косматый смех
рвётся из души к небу,
и сгущается в тучу, и обращается в плач.

* * *

Белый день догорел дотла, и я с ним.
Теперь в электрическом ночеубежище
вспоминаю, как нам жилось.

* * *

Служу сиделкой
у неизлечимо больных фантазией.
Вот бы заразиться!..

* * *

Почему, почему, почему
сказать «люблю тебя» – истинная правда,
а рассказать об этом – почти выдумка?..

* * *

Светлые потоки звуков
смывают смуту – ради
великого беспокойства.

* * *

Возьми меня с собою, музыка!
Вот я бегу вслед,
сбрасывая путы буден...

* * *

В городе – гарь с горящих торфяников.
Кажется, что навсегда.
Как легко она подбирается к сердцу...

* * *

Сон – такая странная выдумка.
Каждый день добровольно впадаешь в небытие,
совершаешь маленькое самоубийство.

* * *

Всё жарче и жарче.
Зелень желтеет в разгаре лета,
словно поторапливая благословенную осень.

* * *

Ужасно скучная ночь.
Никто не ввалился в гости.
И телефон промолчал до утра.

* * *

Это вечнозелёное дерево не шумит листвою.
Оно заполнило всего меня: крона, ствол, корни...
Оно всё растёт, тихо и невидимо.

* * *

Тяжёлые снаряды машин
несутся дорожными траекториями...
Канонада стрельбы по расстояниям.

* * *

Грязные башмаки сияют
незарифмованной поэзией
вчерашнего бродяжничества.

* * *

Для ненаписанных ещё стихов
режу бумагу. Боязно.
Словно подталкиваю стрелку на часах будущего.

2

* * *

Случилось что-то несуразное.
Даже жадная щель копилки-памяти
оказалась узка.

Отъезд

Медленное падение
в плоскую пропасть расстояний...
Уход из застоявшейся жизни.

* * *

Мы весёлый народ:
нам скалкой даже цепочка,
которой скованы руки.

* * *

Незаметно теряешь крупницы души по дорогам

и нежданно находишь их вновь —
там, откуда уехал без горя.

* * *

В колдовском калейдоскопе суток
цветные стёклышки чувств
складываются в узоры настроений.

* * *

Бреду мимо черепичных скатов крыш,
между щербатых стен —
окружённый настоящим прошлого.

* * *

Ты мой невольный соавтор,
любимая моя дочурка.
Неотданное тебе подмешиваю в стихи.

* * *

Не спешите на помощь.
Не каждому удаётся так повеселиться,

как мне погрузить.

* * *

Состаренные осенью деревья
щедры без усталости, без радости, без боли.
Щедры безжалостно и безнадежно.

* * *

Так коротка ночь.
Не успеваешь остаться
в настоящей тишине, в настоящем одиночестве.

* * *

Спасибо, умеющие любить.
Спасибо.
От незадачливого ученика.

* * *

Веники ветвистых крон
выметаю из души
сор покоя.

* * *

Уговоры усталости убедительны,
как глаза влюблённой принцессы,
когда она просит помочь ей вязать.

* * *

Дело моё,
моё моление,
мой вопрос небу о смысле жизни.

* * *

Уже столько дней
всё той же высоты свеча,
всё той же толщины стопка бумаги.

* * *

В кои веки раздобудешь зёрнышко счастья,
посадишь, согревая дыханием землю,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.